

Игорь Верняев

Территория исламского права в пореформенных общегражданских судах Российской империи¹

Верняев Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет.

i.verniaev@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу места исламского права в пореформенной системе общегражданских судов Российской империи. Исследование основывается на материалах судебной практики, прошениях, сенатских определениях, ведомственной переписке и рассматривает, каким образом нормы шариата — прежде всего, в области наследования и брачно-имущественных отношений — применялись в судах, изначально не предназначенных для религиозного судопроизводства. Автор показывает, что шариат в ряде важных его элементов не был вытеснен, но, напротив, институционализировался в судебной системе как легитимная правовая основа для мусульманских подданных. Модернизация и централизация судебной системы, унификация ее процессуальных правил, становление кассации парадоксальным образом сочетались с укреплением территорий партикулярного права, в том числе мусульманского. В отличие от устоявшегося в историографии взгляда на правовой плюрализм как на периферийное явление или инструмент административного приспособления, статья предлагает рассматривать его в качестве устойчивой и институцио-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе НИУ «Высшая школа экономики».

нально закреплённой черты правопорядка позднеимперского государства. С методологической точки зрения работа опирается на достижения антропологии права и такого направления, как «право и общество», сочетая эти подходы с эмпирическим историческим анализом. Исламское право изучается не как замкнутая религиозная система, а как совокупность интерпретируемых норм, функционирующих в конкретных судебных и административных контекстах. Автор утверждает, что юридический плюрализм являлся не временной уступкой, а устойчивым элементом правопорядка позднеимперской России.

Ключевые слова: Российская империя, правовой плюрализм, пореформенная судебная система, мусульманское право.

The Domain of Islamic Law in the Post-Reform Ordinary Civil Courts of the Russian Empire

Verniaev Igor Ivanovich, PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University.

i.verniaev@spbu.ru

Abstract: This article analyzes the place of Islamic law within the post-reform ordinary civil court system of the Russian Empire. Drawing on judicial case materials, petitions, Senate rulings, and interdepartmental correspondence, the study examines how *sharīʿa* norms — primarily in the areas of inheritance and marital-property relations — were applied in courts that were not originally designed for religious adjudication. The author demonstrates that in several of its key domains, Islamic law was not marginalized but rather institutionalized within the judicial system as a legitimate legal foundation for Muslim subjects. The modernization and centralization of the judiciary, along with the unification of procedural rules and the development of a system of appeals, paradoxically coincided with the consolidation of domains of particularistic law, including Muslim

legal norms. Challenging the prevailing historiographical view of legal pluralism as a peripheral phenomenon or an administrative compromise, the article argues that it should be understood as a stable and institutionally embedded feature of the late imperial legal order. Methodologically, the study builds on insights from legal anthropology and the “law and society” approach, combining these perspectives with empirical historical analysis. Islamic law is examined not as a closed religious system but as a set of interpretive norms operating within specific judicial and administrative contexts. The article contends that legal pluralism in the Russian Empire was not a temporary concession but a durable component of its legal regime.

Keywords: Russian Empire, legal pluralism, post-reform judiciary, Islamic law.

Российская империя на протяжении всего своего существования, начиная с преобразований Петра I, в стратегическом плане стремилась к унификации как правового пространства, так и судебных институтов. Однако фактически империи не удалось достичь ни того, ни другого. Исключительное региональное, социокультурное, этноконфессиональное разнообразие, а также дефицит ресурсов централизации и унификации служили препятствием для практической реализации не раз заявленных стратегических целей. Поэтому на разных этапах истории Российская империя была вынуждена или оставлять вне своего реального регулирования, или легализовывать разнообразные правовые порядки и соответствующие судебные институты многочисленных сообществ.

При этом правительство в своей политике управления судебно-правовым разнообразием всегда пыталось найти баланс между тем, что входило в поле централизованного управления и унификации, и тем, что оставалось вне сколько-нибудь существенного воздействия имперской власти. В наибольшей степени, хотя и это не в полной мере, империя централизовала и унифицировала сферу уголовного права. Напротив, сфера гражданского права оставалась в значительной степени разрозненной в региональном, этнословном и конфессиональном отношении. В рамках гражданского права более всего унифицированной накануне падения монархии была сфера обязательственного права, в то время как сфера, связанная с семейно-брачными отношениями и наследованием, преимущественно оставалась в рамках действия разнообразных партикулярных правовых систем.

В связи с изложенным видением возникает вопрос: какое воздействие на баланс правовой централизации и унификации, с одной стороны, и сохранения и легализации правового разнообразия, с другой, оказало введение и постепенное распространение в регионах империи Судебных уставов 1864 г.? Сопровождалась ли судебная реформа и внедрение современных организационных

и судебно-процессуальных основ устройства судебной системы материально-правовой унификацией или, напротив, усилением и закреплением партикулярных правовых пространств?

Со всей четкостью такого рода вопрос не сформулирован в историографии. Сделаны лишь отдельные наблюдения, которые не сведены в обобщающую картину. Например, в основательном исследовании С. В. Кодана и С. А. Февралева шести региональных систем права в Российской империи особо не выделен пореформенный этап их эволюции, не изучено отдельно воздействие судебной реформы и, соответственно, определенные выводы на этот счет отсутствуют². В фундаментальной во многих отношениях монографии А. Н. Верещагина о кассационной деятельности Сената и сенатском вкладе в правотворчество также специально не рассмотрен вопрос, направлена ли была в пореформенный период эта активность на сворачивание сферы действия партикулярных правовых систем или, напротив, на ее укрепление³.

Одним из наиболее крупных обособленных правовых пространств Российской империи являлось пространство, регулируемое мусульманским правом. В последние десятилетия Российской империи совокупная доля мусульман составляла около 10%. Включение среднеазиатских владений, быстрый естественный прирост мусульманского населения и углубление воздействия мусульманской религии на различные сообщества объективно расширяло это пространство. Мусульманское право было действенным практическим и символическим ресурсом нормирования поведения миллионов людей и разрешения конфликтов между ними.

В статье на основании опубликованных и архивных источников, прежде всего на материалах судебных процессов, поставлен и предварительно исследован вопрос о месте мусульман-

2 *Кодан С. В., Февралева С. А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М., 2014. С. 231–243.

3 *Верещагин А. Н.* Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М., 2022.

ского права в пореформенных судах Российской империи. Это специально никем не изучалось. Так, в основательной монографии И. А. Мухаметзарипова проблема взаимодействия пореформенной судебной системы с мусульманским правом как особая не сформулирована, хотя и приводятся положения Свода законов и ведомственные публикации по мусульманскому праву, излагаются материалы ряда судебных процессов в судах разного уровня с участием мусульман и обращением к нормам шариата⁴. Д. М. Усманова, хорошо исследовав имперские проекты по систематизации исламского права, не сосредоточилась на вопросах его реального функционирования в пореформенной судебной системе. В то же время для нашей темы важны ее наблюдения и выводы о роли метрических книг в имперской легализации мусульманского права⁵. Р. Круз и Ш. Кирмзе ярко показали процессы взаимодействия мусульманских сообществ и имперской власти. Одной из ключевых сфер взаимодействия было судебно-правовое пространство. Взаимное проникновение затрагивало, среди прочего, освоение и систематизацию мусульманского права, совместно осуществляемую исламскими сообществами и государственными институтами⁶. Но и в данных работах не уделено специального внимания специфике взаимодействия пореформенной судебной системы и пространства шариата.

- 4 Мухаметзарипов И. А. Функционирование шариата в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII — начале XX вв. Казань, 2012.
- 5 Усманова Д. М. Мусульманское право в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: изучение, применение, искоренение? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 170–182; Она же. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.) // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 106–153.
- 6 Crews R. D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, 2006. P. 10–12, 176–191; Kirmse S. B. *The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late Tsarist Russia*. New York, 2019. P. 3–4, 13, 24–25, 30–31, 181–213, 276.

Составители Свода законов, обобщив законодательство последних десятилетий XVIII — первых десятилетий XIX в., включили в него несколько статей, затрагивавших вопросы мусульманского права. Но неопределенность в части его использования в общих судах сохранялась. Положения Свода в основном определяли право духовных судов рассматривать гражданские споры мусульман на основании мусульманских норм, а также пределы этой юрисдикции. Появление указанных статей было связано с институционализацией региональных духовных управлений мусульман. Компетенция духовных судов ограничивалась сферой религиозно-обрядовых практик, семейно-брачных отношений и наследования, института вакуфов. В случае же с самыми массовыми из названных категорий дел — спорами по семейно-брачным делам и наследованию — законодатель ограничил компетенцию мусульманских духовных судов тем, что обращение к ним допустил только при согласии обеих сторон конфликта. При том же условии взаимного согласия решение вступало в силу. Соответственно, оставался открытым вопрос, где и по каким законам судиться мусульманам по этим делам в случае, если хотя бы одна сторона была не согласна рассматривать их в духовном суде или оспаривала решение духовного суда. Означало ли первичное обращение мусульман с семейно-брачным или наследственным делом в общегражданский суд или перенос его туда после недовольства решением духовного суда то, что в общегражданском суде дело будет рассмотрено по общим имперским законам? Или суд общей юрисдикции использовал мусульманское право?

Обратим внимание на споры вокруг наследования, по которым дел было больше всего. Данный раздел в исламском праве относится к ведущим. В мусульманской традиции пророку Мухаммаду приписывается изречение, что наследственное право (*аль-Фараид*) является «половиной всех знаний»⁷. Это одна из наи-

7 Торнау Н. Мусульманское право. Вып. 1. О праве о наследстве по закону. СПб., 1866. С. 1.

более детализированных и систематизированных частей шариата. Нормы наследования основаны на Коране (главным образом, сура 4 — *ан-Ниса*), Сунне (священном предании) и иджме (согласии, единодушном мнении авторитетных лиц), то есть на ключевых источниках мусульманского права. Нормы наследования были направлены, в частности, на предотвращение излишней концентрации собственности в одних руках, способствовали ее более широкому распределению, эгалитаризации, а в итоге — укреплению мусульманских сообществ⁸.

В кратком изложении основные принципы мусульманского наследственного права сводятся к следующему. При открытии наследства из наследственной массы сначала выделяются средства на покрытие: 1) погребальных расходов; 2) долгов умершего. Его завещание (при наличии) исполняется с тем ограничением, что наследодатель может завещать не более 1/3 имущества. Оставшаяся часть распределяется между тремя категориями наследников «по закону», при этом мужчины получают вдвое больше женщин в равной родственной позиции:

1) *асхаб аль-фуруд*, или *фард* — наследники, чьи фиксированные доли установлены в Коране; с них начинается распределение наследственной массы между наследниками по закону:

— жена после умершего мужа получает 1/4 законного наследства, если у мужа-наследодателя нет нисходящих родственников (нисходящие родственники — *фуру'*, — то есть сын, дочь, внуки), или 1/8, если *фуру'* имеется; если жен несколько (брак был полигамный), то они делят полученные доли поровну;

— муж после умершей жены получает 1/2, если у наследодателя (умершей жены) нет *фуру'*, или 1/4, если *фуру'* есть;

— мать — 1/3, если у наследодателя нет *фуру'*, или 1/6 — если *фуру'* есть, двое или более братьев/сестер;

8 Zuleika A., Desinthy N. P. Islamic Inheritance Law (Faraid) and its economic implication // Tazkia Islamic Finance and Business Review. 2013. Vol. 8. No. 1. P. 96, 109–110.

— отец — $1/6$, если у наследодателя есть *фуру'* мужского пола, или $1/6$ плюс конечная доля в качества представителя следующей категории наследников по закону — *асаба* (см. ниже), если у наследодателя *фуру'* только женского пола, или конечная доля как *асаба* при отсутствии *фуру'* любого пола;

— дочь — $1/2$, если она единственная в категории *фуру'*; если в категории *фуру'* две и более дочери, то они получают долю в $2/3$, которую делят поровну; таким образом, если есть хотя бы один сын, то дочь/дочери переходят из категории с фиксированными долями в категорию *асаба*;

— единственная сестра при отсутствии у наследодателя восходящих и нисходящих родственников мужского пола и брата/братьев — $1/2$; две и более сестры при тех же условиях — $2/3$, разделяя это между собой поровну; если брат/братья есть, то сестра/сестры переходит в категорию *асаба*;

2) *асаба* — родственники по мужской линии (агнатические), наследующие оставшееся (конечные доли) после распределения фиксированных долей в первой категории наследников:

— сын/сыновья (поровну между собой); внуки, если нет сына/сыновей;

— дочь/дочери, если у наследодателя есть сын/сыновья, получая при этом в два раза меньше, чем сын/сыновья;

— отец — конечная доля плюс к доле в рамках *фард*, если *фуру'* только женского пола; или только конечная доля при отсутствии *фуру'* любого пола;

— брат/братья — при отсутствии у наследодателя восходящих и нисходящих родственников мужского пола;

— две и более сестры при отсутствии у наследодателя восходящих и нисходящих родственников мужского пола и наличии брата/братьев наследодателя; получают при этом в два раза меньше брата/братьев;

3) *заву аль-архам* — более дальние родственники, связанные через женщин (например, дети дочерей, дети сестер, дяди и тети

по матери) и получающие наследство при отсутствии наследников из предыдущих категорий⁹.

Приведем пример расчета и распределения наследства в достаточно типичной ситуации. У наследодателя-мужчины остались жена, двое сыновей, дочь, мать, брат и сестра. Наследство последовательно распределяется: 1) на похоронные расходы и покрытие долгов; 2) из оставшегося до $1/3$ — по завещанию (при наличии); 3) наследникам идет на фиксированные доли (*фард*): жене — $1/8$ (у умершего есть дети); матери — $1/6$ (у умершего есть дети); наименьшее общее кратное для 8 и 6 — это 24, соответственно, преобразуя доли жены, получаем $1/8 = 3/24$, матери — $1/6 = 4/24$; итого фиксированные доли — $7/24$ наследства; 4) оставшиеся $17/24$ (*асаба*) — сыновьям и дочери; по правилу, что мужчина приобретает в два раза больше женщины, каждый сын получает по 2 части из этого, а дочь — 1 часть (всего 5 частей); 5) брат и сестра исключаются из наследования, так как у наследодателя есть сыновья. Итоговое распределение: жена — $3/24$ (12,5%), мать — $4/24$ (16,7%), сыновья — каждый по $6,8/24$ (по 28,3%), дочь — $3,4/24$ (14,2%).

Основанием для общих судов обращаться к исламскому наследственному праву являлись следующие статьи Свода законов Российской империи (номера приведены по изданию 1857 г.):

1) ст. 1338—1339 главы 5 «О разделе наследства», часть 1, X том («Свод законов гражданских»), и ст. 1143—1144 главы 1 «Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Таврического Магометанского Духовного правления» книги 5 «Об управлении духовных дел магометан», часть 1, XI том («Уставы иностранных исповеданий»), ст. 1472 главы 4 «О гражданском судопроизводстве в Закавказском крае», часть 2, X том («Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских»), устанавливавшие правовую основу

9 Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. Вып. 1. О наследовании у мусульман суннитов / сост. П. В. Антаки. СПб., 1912. С. 1–109; Нургалеев Р. М. Наследственное право в исламе. Набережные Челны, 2016. С. 22–96.

наследования мусульман округов Оренбургского, Таврического магометанских духовных собраний, Шиитского и Суннитского духовных правлений Закавказского края, условия судебной юрисдикции мусульманского духовенства этих округов в отношении наследственных дел и дальнейшего их движения при неисполнении данных условий;

2) ст. 1161 главы 2 «О порядке наследования по закону» отделения 5 «О порядке наследования супругов», часть 1, X том («Свод законов гражданских»), отдельно от прочих наследственных мусульманских норм, которые эксплицитно не прописаны в имперском законодательстве, устанавливающая для мусульман долю вдовы (вдов при полигамии) в наследстве умершего мужа¹⁰.

Разберем эти статьи в плане порядка обращения общегражданских судов к мусульманскому праву. Ст. 1338 восходила к указу от 2 июня 1826 г., допускавшему наследование мусульман по мусульманскому праву¹¹. Но, в отличие от указа 1826 г., основанная на нем ст. 1338 начиналась с однозначного и категоричного утверждения: «Раздел имущества, оставшихся после Магометан, производится по их закону». Далее говорилось о том, что духовенство Оренбургского магометанского духовного собрания (далее — ОМДС) имеет право рассматривать и решать наследственные дела «по своему закону» только в том случае, если участники спора «будут просить об этом и примут беспрекословно объявленные им решения». Далее определенности в понимании статьи становится меньше. При нежелании хотя бы одной из сторон спора обращаться в духовный суд или несогласии с его решением рассмотрение этих дел «предоставляется обыкновенным судебным местам по установленному общими узаконениями порядку». Из содержания статьи оставалось неясным, имеется ли в виду под «общими узаконениями» только

10 Свод Законов Российской империи (далее — СЗРИ). Т. 10. Ч. 1. СПб., 1857. С. 227, 265; Т. 10. Ч. 2. С. 269; Т. 11. Ч. 1. С. 210–211.

11 Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 2. Т. 1. № 386. С. 527–528.

процессуальный порядок или подразумевается, что и гражданское материальное право, на основе которого рассматривается и решается дело, должно быть общеимперским (то есть по общим положениям 1 части X тома Свода законов).

Не прибавляла ясности и следующая ст. 1339, где речь шла о спорах по наследству в мусульманских судах Таврического магометанского духовного собрания (далее — ТМДС). Там, как и в ст. 1338, говорилось, что в случае несогласия с решением духовного суда хотя бы одной стороны дело рассматривалось общими «судебными местами установленным для сего порядком». То есть материально-правовая база рассмотрения спора мусульман в общегражданском суде опять не формулировалась однозначно.

Неясность воспроизводилась и в содержащей «Уставы иностранных исповеданий» части 1 тома XI. Логически связанные статьи 1143 и 1144, где речь шла о судебной компетенции духовенства ТМДС, завершались утверждением, что недовольные постановлением духовного суда мусульмане «могли обращаться в общие судебные места с просьбой о рассмотрении и решении их дел по общим законам Империи». Остается вопрос: подразумевались ли под выражением «общие законы Империи» только процессуальные нормы («формы суда» в дореформенный период или правила по соответствующему судебному уставу 1864 г. в пореформенный период) или также и гражданское материальное право? И не ясно было, как это соотносилось с утверждением ст. 1338 о правосудии для мусульман по делам о наследовании «по их закону».

Более однозначно формулировалась ст. 1472 из раздела, посвященного гражданскому судопроизводству в Закавказском крае, в части 2 тома X Свода законов. Эта статья была относительно новая (появилась в издании 1857 г. Свода законов) и основывалась на сенатском указе от 3 июня 1854 г., детализирующем для Закавказского края положение о праве мусульман разрешать наследственные споры и конфликты между супругами, родите-

лями и детьми в духовных шариатских судах¹². В статье повторялось положение об обоюдном согласии сторон спора с решением духовного суда как необходимым условием его вступления в законную силу. В случае же несогласия та или иная сторона имела право подать иск в «обыкновенный» (то есть общегражданский, до реформы — уездный) суд, но не как апелляцию на решение духовного суда, а в качестве нового дела. При этом только судопроизводственные правила в таких процессах считались «общими», а само решение предусматривалось «на основании законов Магометанских». Соответственно, вполне однозначно материальным правом рассмотрения и решения семейных и наследственных споров закавказских мусульман в общегражданских судах признавался шариат. В случае необходимости поиска правовой основы рассмотрения и решения дела общий суд мог обращаться к закавказским духовным управлениям, суннитскому или шиитскому, для получения выписок из мусульманских правовых источников и разъяснений. Но эта определенность в отношении закавказских мусульман и их семейно-наследственных споров просуществовала недолго: в 1868 г. в закавказских губерниях вводились Судебные уставы 1864 г., и прежние законы о судопроизводстве в отношении Закавказья, включая ст. 1472, действовать перестали¹³. В последующих изданиях Свода их не было. Пореформенные суды закавказских губерний уже не могли опереться на положение, вполне однозначно обязывающее их использовать шариатские нормы в семейно-наследственных спорах мусульман.

Определенностью и длительностью действия, в отличие от рассмотренных, выделялась ст. 1161 части 1 тома X, в которой в отношении всех мусульман устанавливалось положение о так называемой «вдовьей доле», то есть «законной»/«указной» части

12 ПСЗ. Собрание 2. Т. 29. Ч. 1. № 28316. С. 559–560.

13 См.: Верняев И. И. Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1240–1256.

наследства умершего мужа, получаемой вдовой¹⁴. Норма восходила к сенатскому указу от 23 февраля 1805 г.¹⁵ и отличалась от общеимперской. Последняя формулировалась ст. 1148 и определяла, что вдова, вне зависимости от наличия или отсутствия детей, получала 1/7 часть из недвижимого и 1/4 из движимого наследства. Притом названная общеимперская норма об «указной доле» вдовы не ограничивала право наследодателя на свободное распоряжение по завещанию благоприобретенным (не родовым) имуществом. У мусульман, по ст. 1161, вдова (или вдовы, если семья полигамная) получала 1/8 часть из недвижимого и движимого вместе наследственного имущества мужа, если от этой брачной пары остались дети (если вдов несколько, каждая получала поровну из этой 1/8 части). Если детей не осталось, то вдова получала 1/4 часть законного наследства (если вдов несколько, то они также делили все поровну). Норма для мусульман формулировалась в Своде как часть имперского гражданского права, но по факту восходила к соответствующему шариатскому правилу, учтенному при разработке указа 1805 г.¹⁶

В настоящей работе не рассматривается вопрос о мусульманском праве в общих судах дореформенного периода. Уделено внимание лишь наблюдениям современников, как до введения Судебных уставов, так и в первые годы после этого, за судебной практикой общегражданских судов, которая, за исключением четко сформулированной в ст. 1161 «вдовой доли», не обращалась к нормам исламского права при решении наследственных споров мусульман. Разобранные выше ст. 1338–1339 и 1143–1144 трактовались судьями так: при переходе наследственного дела в общегражданский суд оно должно рассматриваться по общим законам не только в процессуальном, но и в содержательном, материально-правовом плане. Товарищ обер-прокурора в кассационном департаменте Се-

14 СЗРИ. 1857. Т. X. Ч. 1. С. 227.

15 ПСЗ. Собрание 1. Т. 28. № 21634. С. 842–843.

16 Торнау Н. Указ. соч. С. 165–167, 240.

ната Е. А. Пушкин констатировал, что фактическое использование положения Свода законов о применении шариата в общих судах началось только с 1870-х гг.¹⁷

По свидетельству мусульманского просветителя и публициста И. Гаспринского, ст. 1338 части 1 тома X Свода законов «понималась в том смысле, что если мусульмане не поделились добровольно на основании шариата и обращаются к гражданскому суду, то следует выделять части наследников из данного наследства по гражданским законам... Мемед или Али, обращаясь для выдела своей части к духовному суду мусульман, получает, например, 100 руб.; обращаясь для того же в гражданский суд, он мог получить 200 руб. Дело как бы зависело от его желания и воли, а не от права»¹⁸.

Неопределенность положений Свода законов в части материально-правовой основы решения наследственных дел мусульман в общегражданских судах приводила к тому, что такого рода споры доходили до сформированного уставами 1864 г. гражданского кассационного департамента Сената. Именно он в ряде кассационных дел в начале пореформенного периода создал прецеденты и дал базовые толкования, на которые опиралось имперское правосудие. В последующих прецедентных делах Сената использование мусульманских норм наследования конкретизировалось и уточнялось. Рассмотрим кратко ключевые дела, ставшие важными прецедентами для использования мусульманского наследственного права пореформенными общими судами Российской империи.

Ключевую роль сыграло рассмотрение тяжбы между Ходжаевой Ханум и ее братом Гаджи-Гасаном о наследстве их покойного отца в кассационном департаменте Сената в 1875 г. Дело началось

17 Пушкин Е. А. О применении магометанских законов при производстве дел о наследствах, оставшихся после магометан // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 4. С. 178.

18 Гаспринский И. Право наследования русских мусульман // Переводчик = Терджиман: газета литературная, политическая и коммерческая. 1884. 4 ноября.

в Эриванском окружном суде, присудившем дочери наследодателя долю в соответствии с мусульманской нормой — $1/4$ часть отцовского наследства, половину от доли брата. Но брат не согласился делить отцовское наследство по шариату и оспорил решение окружного суда в Тифлисской судебной палате. Он указывал, что после введения в Закавказье уставов 1864 г. ст. 1472, по которой как в духовных, так и в общегражданских судах наследство закавказских мусульман разделялось по шариату, отменилась. Соответственно, изъятия из общеимперской нормы уже отсутствовали, и спор должен был разрешаться на основании общего положения, сформулированного в ст. 1130 Законов гражданских. По этой общей норме при наличии сына наследодателя дочь получала $1/14$ часть недвижимой и $1/8$ часть движимой собственности. Тем самым при решении спора по шариату наследственная доля Ходжаеты Ханум оказывалась значительно более крупной. Все инстанции — Эриванский окружной суд, Тифлисская палата и кассационный департамент Сената — встали в деле на сторону дочери наследодателя, применив мусульманскую норму. Ходжаета Ханум при доказательстве в Сенате своей наследственной доли представила шариатское заключение губернского медреса. Сенат основал свое решение ст. 1338, по которой раздел имущества после смерти мусульман производился по их закону¹⁹. Это прошедшее все инстанции дело создало важный прецедент решения в общегражданских судах наследственных споров мусульман по мусульманскому праву.

Если в деле 1875 г. Сенат согласился с решениями окружного суда и судебной палаты в применении мусульманского права, то по другому производству 1876 г. он отменил решения названных инстанций, применивших общеимперские нормы. Видимо, практика нижестоящих общих судов оставалась неустойчивой. В судеб-

19 СЗРИ. 1857. Т. 10. Ч. 1. С. 220; Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената (начиная с 1866 г.) с подробным предметным, алфавитным и постатейным указателями за 1875 г. № 647–891. Екатеринослав, 1912. № 693. С. 1333–1335.

ном деле 1876 г. одна группа наследников умершего в Петербурге известного востоковеда Мирзы Джафара Топчибашева предъявила в столичном окружном суде свои права на наследство по общеимперским законам, другая — по шариату. Окружной суд и Санкт-Петербургская судебная палата при апелляции решили дело по общеимперской норме. Палата обосновывала свое решение тем, что поскольку дело начато сразу в общем, а не духовном суде, то и решаться оно должно по общим, а не мусульманским законам. Но Сенат рассудил иначе: норма ст. 1338, по которой мусульмане должны разделять свое наследство по мусульманскому праву, действует вне зависимости от того, где начато судебное дело — в духовном или общем суде. Это решение создало важный прецедент, конкретизировав практическое применение ст. 1338²⁰.

Данная трактовка не осталась незамеченной мусульманами, и некоторые из них воспользовались возможностью отстаивать право на наследство по исламским нормам сразу в общих судах. Примером являлся иск 1878 г. в Эриванском окружном суде жителя Нахичевани Джагангира Ага оглы Кенгерлинского. Он отстаивал свое право на наследство Тути Бегумы — жены собственного брата. Ответчиком выступал Махмут Хан, брат Тути Бегумы, завладевший этим наследством и тоже считавший себя в своем праве. Тути Бегума унаследовала долю в земельной собственности своего отца, но умерла, не вступив по факту в пользование ею. Доля перешла к сыну, но тот тоже вскоре умер. Наследником стал муж Тути Бегумы Ханджар Аги, но и он скончался. Тогда, по мусульманским нормам, в наследство Тути Бегумы должен был вступить истец Джагангир — родной брат ее мужа. Брат Тути Бегумы Махмут Хан, завладевший этой собственностью, как ответчик по делу ссылался в суде на общие имперские нормы. Поскольку

20 Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената (начиная с 1866 г.) с подробным предметным, алфавитным и постатейным указателями за 1876 г. №44–291. Ека-
теринослав, 1912. №155. С.297–302.

окружной суд и Тифлисская судебная палата не сориентировались в деле и поддержали в решениях ответчика на основе общих норм, истцу пришлось обращаться в 1880 г. в Сенат и доказывать свое право на наследство жены брата, ссылаясь при этом на удостоверенные Закавказским шиитским духовным правлением нормы шариата, на ст. 1338 и на обсужденный выше сенатский прецедент 1876 г. (№ 155), уточнивший трактовку этой статьи²¹.

Хотя пореформенные гражданские суды постепенно осваивали нормы мусульманского наследственного права, процесс не обходился без ошибок и затруднений. Так, в судебном деле 1884 г. кассационному департаменту Сената вновь пришлось поправить нижестоящие суды в понимании и применении мусульманских норм. При этом характерно, что сенатская трактовка разошлась и с позицией духовного правления. Жительница Баку Бегум-Ханума-Киза оспорила в Бакинском окружном суде составленное в 1879 г. завещание ее умершего мужа, в котором тот все недвижимое имущество завещал внуку — сыну дочери от другой его жены. Бегум-Ханума-Киза доказывала, что в соответствии с мусульманскими нормами муж не имел права свободно распорядиться всем имуществом в пользу внука и она имеет право на 1/8 «вдовью долю». Ответчик, поверенный внука наследодателя, привел в качестве аргумента удостоверение Закавказского шиитского духовного правления. В соответствии с ним бездетная вдова по мусульманским нормам могла претендовать только на 1/8 часть из 2/3 движимого имущества и ценности построек, но не на само завещанное недвижимое имущество. Окружной суд согласился с аргументами ответчика и отверг иск. Апелляционное дело в Тифлисской судебной палате вдова также проиграла. Палата полагала, что ст. 1338 требует

21 О признании за Джаганширом Агой Навруз Агой оглы Кенгерлинским права собственности на 1/10 родового имения Мухмута хан Асан аги оглы при дер. Сураб, Султанбек и Кял-Джараджур Нихичеванского у. Эриванской губ. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1364. Оп. 1. Д. 2569. Л. 1–26.

от судов применения мусульманских норм только в части наследования по закону, но не касается завещаний, в отношении которых действует общая норма свободного распоряжения завещателя. Согласно заключению Сената, ст. 1161 и 1338 относились к мусульманскому наследованию не только по закону, но и по завещанию. Напомним, наследодателю по исламским нормам позволялось завещать не более трети своего имущества, и это не отменяло обязательной доли законного наследника, каковым и являлась в данном деле истица, вдова наследодателя²².

Принципиальный вопрос о соотношении ст. 1161 о «вдовьей доле» мусульман и более общей ст. 1338 о применении мусульманского права наследования возник в деле 1905 г. о наследстве жителя Эривани Гаджи Мамедбекова. Вдова подала в Эриванский окружной суд иск о нарушении другими наследниками ее права на 1/8 «вдовью долю» из недвижимого имущества покойного мужа — построек и земли. Ответчики настаивали, что ст. 1161 определяла лишь размер доли вдовы, но по мусульманскому закону вдова имела право получить свою долю в виде стоимости имущества, но не в натуре. По их убеждению, норма ст. 1161 не отменяла применение уточняющих наследование вдовы шариатских правил, предписанных общим судам ст. 1338. Но и окружной суд, и судебная палата поддержали истицу. Ст. 1161, отметила в своем решении судебная палата, заменяла «правила наследования жен магометан по шариату, постановления которого об этом отличаются большим разнообразием и противоречием»²³.

Таким образом, ст. 1161 о «вдовьей доле» хотя и восходила к шариатским нормам, но по факту стала в решениях общих судов гражданской нормой для мусульман империи. Это был типичный

22 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1884 г. СПб., 1885. № 8. С. 38–42.

23 О праве наследства Ханум, дочери Молла Нагибек Султан Гусенбекова на движимое имущество в г. Эривани, принадлежавшее ее мужу Гаджи Наджаф Кули-беку Мамедбекову // РГИА. Ф. 1364. Оп. 5. Д. 394. Л. 1–14.

результат государственной кодификации, обобщающей и генерирующей конфессиональную норму, но тем самым и лишаящей ее нюансов применения.

Мусульманская норма об ограничении свободного завешания $1/3$ наследственной массы со временем хорошо усваивалась пореформенными общими судами в регионах массового проживания мусульман. Судебные дела, связанные с ее нарушением, являлись весьма распространенными и, если не были осложнены особыми обстоятельствами, относительно уверенно разрешались гражданскими судами. Тифлисская судебная палата в 1898 г. констатировала: «Правило об $1/3$, которой наследодатель может распоряжаться свободно (“сульса”), при том, что остальные $2/3$ — только в согласии с законными наследниками — общеизвестно и неоднократно применялось палатой»²⁴. Приведем примеры судебных дел такого типа.

В 1896 г. Кербалай Усейнов обратился в Бакинский окружной суд с просьбой признать недействительным духовное завешание своего отца, отписавшего все имущество детям от второй жены. По-видимому, наследодатель руководствовался общими законами империи, позволявшими ему составить такое завешание на всю наследственную массу. Кербалай в своем иске ссылался на мусульманскую норму относительно максимального предела по завешанию и на ст. 1338. Окружной суд удовлетворил иск Кербалая, а судебная палата отвергла апелляцию ответчиков по делу — детей от второй жены. После кассационной жалобы ответчиков Сенат также встал на сторону Кербалая. Свидетельство ответчиков, что брак наследодателя с матерью истца был временный и впоследствии отец отказался признавать Кербалая сыном и наследником (по мусульманскому праву такое допустимо и законно в отношении детей от временных браков), не было принято

24 О признании недействительным духовного завешания Мамед Алиа Абдурахман оглы. 1898 г. // РГИА. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 46. Л. 1–40.

судом во внимание, так как этому не нашлось документальных подтверждений²⁵.

В процессе сторонами конфликта применялась характерная риторика: обе просили суд быть более самостоятельным в погружении в особенности исламского права, не полагаясь только на заключения духовных правлений. Так, истец, вступая в спор о статусе постоянного и временного брака и о том, на ком лежит бремя доказательства по этому вопросу, призывал судебную палату, чтобы она сама разобралась в исламских законах, а не опиралась только на противоречивые свидетельства духовенства. Для этого он предоставил судьям все необходимые, по его мнению, выписки из авторитетных исламских книг, считая суд неправомочным отказываться от самостоятельного разбирательства и решения по делу, ссылаясь на незнание правовой основы или ее неясность. Не имело значения, настаивал Кербалай, что мусульманское право не кодифицировано в России и не опубликовано официально в качестве законодательного акта: «Русские суды обязаны толковать и обычаи, которые принимаются во внимание при решении дел торговых и крестьянских, хотя и обычаи тоже нигде не кодифицированы»²⁶. Такой же активности от суда требовали ответчики. На основании сборников исламского права, научных сочинений, шариатских разъяснений, считали они, суд обязан «поставить и разрешить вопрос о том, получает ли наследство по мусульманским законам такой законный сын, который родился от законного, но временного брака мусульманина и который отцом отрицался... В силу 1338 ст. X т. I ч. шариат действует на территории Российской империи, стало быть, это закон, и именно русский закон. И если суд признает шариат русским законом, то он должен разрешить данный вопрос мусульманского наследственного права самостоя-

25 О признании недействительным духовного завещания Мамед Алиа Абдурахман оглы // РГИА. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 46. Л. 1–40.

26 Там же.

тельно»²⁷. Судебная практика кассационного Сената и других общегражданских пореформенных судов по факту приводила к тому, что шариат действительно становился одной из «русских» (в смысле имперских) правовых «территорий».

В более сложных делах о соотношении завещаний и наследования «по закону», сталкиваясь с разными толкованиями духовных правлений, гражданские суды волей-неволей были вынуждены самостоятельно погружаться в изучение источников мусульманского права. Так, в деле 1893—1900 гг. о наследстве тифлисского гражданина Алекпера Алиева суды проявили особенную активность в разборе шариатских норм. Дело было связано с тем, как должно распределяться наследство, когда завещание затрагивает доли, причитающиеся законным наследникам. Истцы — вдова и сын покойного — настаивали, что наследодатель не имел права в завещании выделить дополнительные доли другим наследникам по закону — семье своего покойного сына от другого брака. Они требовали отменить завещание как несоответствующее шариату и распределить всю наследственную массу по установленным в мусульманском праве нормам. Владикавказский окружной суд поддержал истцов. Но ответчики подали апелляцию в Тифлисскую судебную палату. Палата, запросив заключения духовных правлений, получила противоречивые толкования. Шиитское духовное правление и Бакинский губернский меджлис утверждали, что магометанин имеет право завещать 1/3 по своему усмотрению и посторонним, и наследникам, в том числе детям, а Суннитское правление настаивало, что *сульса* может быть завещана только постороннему, но не наследникам «по закону». В итоге палата обратилась к самостоятельному рассмотрению стихов Корана, переводное издание которого было представлено суду поверенным ответчиков. Вникнув в смысл имеющих отношение к делу коранических стихов, судьи пришли к заключению, что «мусульманин имеет право делать

27 Там же.

завещательные распоряжения в пользу как сторонних лиц, так и своих детей, и наследники, получив причитающееся им по завещанию, участвуют затем в определенной Кораном доле в остальном имуществе». Такое же толкование они обнаружили и в сочинении 1866 г. по мусульманскому праву Н. Торнау.

Сенат в кассационном разбирательстве по этому делу вновь проанализировал текст Корана, комментарии к нему, противоречивые заключения духовных правлений и констатировал, что норма, по которой мусульманин может завещать не более 1/3 имущества, является основополагающим общим правилом. Но в данном случае завещатель не выделил отдельно *сульсу*. Его распоряжение касалось всего имущества и привело к полному поглощению долей одних наследников за счет других, что нарушало шариат. Принималось решение, что истцам-наследникам должно быть обеспечено получение тех долей общей наследственной массы, которые полагались по закону (вдова — 1/8, сын — 7/20). Отменяя решение палаты, Сенат отметил, что она не только неправильно интерпретировала распоряжение наследодателя, но и недостаточно исследовала Коран и предания о Магомете²⁸.

Особенные затруднения для гражданских судов представляли дела, где права наследников по закону нарушались завещанием в пользу духовных публичных институтов — мечетей, медресе, вакуфов. В этих разбирательствах заинтересованной стороной выступали сами духовные правления, а также курировавшие их имперские ведомства, и суду приходилось проявлять и отстаивать самостоятельность. Приведем примеры такого рода.

Житель Шуши Мешади-Мирсаиб оглы оставил завещание в пользу мечети. В 1897 г. его вдова, сыновья и дочь предъявили в окружном суде иск против Елисаветпольского губернского меджлиса, ставшего распорядителем завещанной мечети. Истцы

28 О признании недействительным духовного завещания Амир-Алиева, составленного на имя дочери Ф. Амир-Алиевой помимо остальных наследников // РГИА. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 623. Л. 1–25.

утверждали, что завещание нарушило правило *сультсы*, позволявшее мусульманину завещать не более 1/3. Меджлис как ответчик настаивал на полном соответствии завещания шариатским нормам: завещанное мечети подпадало под вакуфное право, в соответствии с которым мусульманин вправе завещать все свое движимое и недвижимое имущество в вакуф и наследники не могут оспаривать такое завещание. В качестве подтверждения своей позиции меджлис предоставил разъяснение от Шиитского духовного правления. Но окружной суд проявил самостоятельность и вопреки толкованию духовного правления поддержал позицию истцов, признав духовное завещание недействительным. В 1904 г. после апелляции Тифлисская судебная палата подтвердила право вдовы и ее детей, отвергнув притязания духовного правления. Характерно, что в своем обращении к гражданскому суду истцы призывали его быть активнее в самостоятельном толковании шариатских норм, не полагаясь только на разъяснения духовных правлений: «Сам по себе шариат есть совокупность религиозных и нравственных правил, которыми должен руководствоваться в жизни правоверный мусульманин. В шариате нет ничего категорического, нет точных норм и законов. Он весь состоит из изречений, мыслей, афоризмов, которые каждый волен толковать по-своему, почему в выдаваемых Духовным Правлением удостоверениях сплошь и рядом встречаются коренные противоречия и разноречия. Почему же в таком случае мы должны принимать как за непреложное толкование или “разъяснение”, которое в данном случае делает Духовное Правление, то есть заинтересованное в деле учреждение?»²⁹ Тем самым и стороны конфликтов, и сама организация пореформенного правосудия подталкивали по факту к формированию государственной кодифицированной версии шариата.

29 О признании недействительным завещания Мешади-Гусейна-Мешади-Мирсаиб оглы, отказавшего все свое имущество в пользу мечети гор. Шуши Елизаветпольской губ. // РГИА. 1364. Оп. 8. Д. 792. Л. 1–17.

В 1911 г. братья Баязитовы опротестовали в Казанском окружном суде завешание их умершего дяди Якупа Кадыкова, по которому тот передал значительную часть наследства мечетям при медресе в Казани. Истцы ссылались на то, что духовное завешание нарушает нормы шариата. Окружной суд удовлетворил иск Баязитовых, признав завешание недействительным³⁰.

В 1916 г. Хадичи Терегулова подала иск в Уфимский окружной суд о признании недействительным духовного завешания купца Абдулхаира Булгакова, оставившего 100 тыс. десятин земли мечети деревни Расмекеево. По утверждению Терегуловой, затрагивая долю законных наследников, завешание нарушало шариатскую норму. Этот аргумент наряду с выявлением формальных нарушений при составлении завешания позволил окружному суду и затем Казанской судебной палате поддержать иск Терегуловой и признать завешание недействительным³¹.

Али Асадуллаев, сын от первого брака бакинского нефтепромышленника Шамси Асадуллаева, подал иск в Бакинский окружной суд, потребовав признать недействительным духовное завешание своего отца, где говорилось о передаче значительных капиталов в пользу мечетей и медресе, а также второй жене, лютеранке Марии Асадуллаевой, и другим наследникам по закону. Али в иске утверждал, что в завешании превышено ограничение в 1/3 наследственной массы. При этом он не согласился с наследодателем и в общей оценке завещанного имущества. Среди ответчиков по иску выступали, в частности, министерства внутренних дел и народного просвещения, так как завещанные мечети и медресе находились в их административном ведении. Несмотря на то, что ответчиками в рассматриваемом деле являлись могущественные ведомства, Али

30 О разделе наследства магометан. 1912–1916 гг. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 557. Л. 1–3.

31 О признании недействительным духовного завешания купца Абдулхаира Хурамшина Булгакова, составленного в пользу прямых наследников в нарушение законов Шариата // РГИА. Ф. 1364. Оп. 12. Д. 1341. Л. 1–6 об.

в феврале 1917 г. на апелляционном заседании судебной палаты выиграл дело и завещание было признано недействительным³².

Не являвшимся, как правило, экспертами в исламском праве, судьям гражданских судов неизбежно приходилось опираться на разъяснения духовных правлений. На это указывал и закон. Но в шариатских разъяснениях нередко встречались противоречия. Более того, они могли изменяться по ходу процесса. Разное толкование предлагали и сами мусульмане, стороны судебных споров и их поверенные. Приведем следующий пример.

После смерти в 1906 г. бездетной мусульманки из села Назяр Елабужского уезда Вятской губернии Биби-Фатимы Муратовой (урожд. Шариповой) осталось значительное наследство в виде недвижимости и денежных капиталов. Ввиду отсутствия прямых наследников права на имущество Муратовой заявили ни много ни мало 13 групп/категорий родственников! Сарапульский окружной суд, куда поступили дела по претензиям на имущество Муратовой, обратился в ОМДС за шариатским разъяснением. Духовное собрание назвало единственными наследниками племянников Муратовой по женской линии дворян Еникеевых, сыновей ее умершей родной сестры, как ближайших боковых родственников в ситуации отсутствия прямых. Однако двоюродные братья наследодательницы, крестьяне Шариповы, обжаловали это решение. В результате ОМДС пересмотрело свое решение и в новом заключении разъяснило окружному суду, что в делах о наследовании после мусульман, если у наследодателя не осталось своих детей, все имущество наследуют ближайшие родственники по восходящей мужской линии, а за неимением таковых — родственники по боковым мужским линиям. В соответствии с этим все имущество Муратовой доставалось в качестве *асаба* двоюродным братьям по мужской линии Шариповым, а племянники Еникеевы хотя и ближе по родству, но, как родственники по женской линии из ка-

32 О разделе наследства магометан. Л. 183–209 об.

тегории *заву аль-архам* при наличии родственников по мужской линии, не наследовали. Окружной суд принял новое разъяснение духовного собрания и присудил наследство двоюродным братьям Муратовой. Еникеевы обжаловали решение как противоречившее шариату, к тому же указывая на факт их большей родственной близости: «...предпочтение родственникам по мужской линии могло быть только при равной степени родства, чего нет в данном случае». Но Казанская судебная палата и Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее — ДДДИИ) Министерства внутренних дел не поддерживали жалобы Еникеевых и подтвердили последнее решение ОМДС и Сарапульского окружного суда³³.

Решением проблемы противоречий и различий в трактовке мусульманских норм, с которой нередко сталкивались суды, могла стать их унификация. Движение в этом направлении, как мы уже видели, происходило. В судебных процессах последних лет империи все чаще встречались ссылки не только на заключения духовных правлений, но и на изданный в 1912 г. сборник мусульманского наследственного и семейного права, составленный П. В. Антаки³⁴. Сборник был подготовлен под эгидой ДДДИИ, его положения обсуждались и согласовывались региональными духовными правлениями мусульман. Фактически сборник хотя и не был законодательным актом, но являлся важным шагом в сторону кодификации мусульманского наследственного и семейного права, вызванным, в частности, потребностями активной судебной практики гражданских судов. После выхода издания оно сразу вошло в активный оборот в судебных процессах, но и его формулировки могли порождать споры.

33 Там же. Л. 1–100.

34 Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. Вып. 1. О наследовании у мусульман суннитов / сост. П. В. Антаки. СПб., 1912; Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. Вып. 2. Об опеке, дарении и признании по учению Абу Ханифы / сост. П. В. Антаки. СПб., 1913.

После смерти в 1911 г. мусульманина дворянина из «литовских татар» Якова Лебедзя возник спор, как по шариату разделить его имущество между единственными наследниками — двумя племянницами (дочерями родной сестры) и двоюродным внуком (сыном третьей племянницы, которая умерла до Лебедзя). Полученные наследниками удостоверения от духовных правлений ТМДС и ОМДС противоречили друг другу: по первому наследство полагалось разделить только между племянницами; по второму — между всеми тремя наследниками. В силу противоречий между духовными ведомствами окружной суд, рассматривавший спор в 1914 г., запросил шариатскую экспертизу в ДДДИИ. Эксперт П. Антаки, опираясь на положения своего сборника, разъяснил, что законными наследниками являются только племянницы, поскольку наследники, находящиеся в ближайшей степени родства к умершему, имеют преимущество перед более отдаленными родственниками (в данном случае — двоюродный внук, который считается *заву аль-архамом*). ОМДС пересмотрело свое решение и согласилось с экспертом ДДДИИ: двоюродный внук, хотя являлся наследником по гражданскому праву (право представления), по шариату устранялся из раздела в силу меньшей близости родства³⁵.

После смерти в 1911 г. московского купца мусульманина Сале-ха Ерзина разгорелся конфликт вокруг его наследства. Претендентами были вдова, четверо сыновей, четыре дочери и внуки — дети старшего сына, умершего еще до смерти наследодателя. Спорили о том, имеют ли по шариату внуки (дети умершего сына) право на наследство при наличии других детей наследодателя. По общегражданскому праву империи (ст. 1135 части 1 тома X) внуки в этом случае наследовали по праву представления (то есть вместо умершего сына наследодателя). По суннитскому мусульманскому праву внуки умершего сына устранялись от наследства при наличии живых сыновей наследодателя. Но разным наследникам были выданы

35 О разделе наследства магометан. Л. 158–165 об.

противоречащие друг другу духовные удостоверения. Если ОМДС утверждало, что в этой ситуации внуки не получают обязательной доли, то Московский ахун признал право внуков на наследство, сославшись на изложенное в сочинении профессора А. К. Казем-Бека шиитское толкование, на некоторые мнения суннитских комментаторов и на сборник ДДДИИ. Однако сам департамент поддерживал позицию ОМДС, которая, по его мнению, «соответствовала шариату» и изданному им сборнику мусульманских законов. Окружной суд в итоге отказал внукам. Впрочем, опекун внуков намеревался подать апелляцию³⁶. Как видим, в деле активно задействовался сборник ДДДИИ 1912 г. в функции кодифицированного права, но и его формулировки вызвали спор.

В период мировой войны примененная в данном деле шариатская норма вызвала широкую дискуссию в мусульманской среде. Некоторые выступали за пересмотр ее толкования, мотивируя тем, что в текущий момент многие молодые мужчины, вносявшие большой вклад в крестьянское или торгово-ремесленное семейное хозяйство своего отца, гибли на войне, а их малолетние дети (внуки дедов-домохозяев) не имели, по существовавшим трактовкам шариатских норм, обязательной доли в наследстве своих погибших отцов. Сторонники понимания военной ситуации говорили, что возможно и иное толкование. К дискуссиям подключались и государственные ведомства³⁷.

Участники судебных процессов пытались вовлекать гражданские суды не только в самостоятельную трактовку шариатских положений, но и в обсуждение внутренних групповых различий в мусульманском вероучении. Так, в 1902 г. Бакинский окружной суд, Тифлисская судебная палата и кассационный Сенат последовательно рассматривали спор о наследстве Зейнала Гусейнова, умершего несовершеннолетним и бездетным. Роди-

36 Там же. Л. 49–58.

37 Там же. Л. 216–223.

телей, деда и бабки по отцу наследодателя уже не было в живых, и на наследство претендовали в качестве истцов дед и бабушка по матери, а в качестве ответчиков — дядя и тетя по отцу. Окружной суд, сославшись на нормы шариата, присудил наследство деду и бабке покойного. В своей апелляции в судебную палату ответчики, не споря напрямую с основанным на шариате решением суда, обратили внимание на принадлежность истцов к секте бабистов, квалифицированных как *муртадды* — отрекшиеся от ислама — и не имеющих в качестве таковых права наследовать имущество правоверного мусульманина. Палата сначала приняла во внимание эту аргументацию ответчиков и запросила разъяснения у трех свидетелей-экспертов относительно того, следует ли признать бабистов муртаддами с вытекающими последствиями для наследования по шариату. Эксперты подтвердили, что бабисты — муртадды, лишавшиеся права наследовать мусульманину. Но истцы со своей стороны поставили под сомнение статус экспертов, ведь они должны были быть квалифицированы как *адиль*, то есть обладающие в соответствии с шариатом качествами справедливости и благочестия. Но этими разысканиями судебная палата уже отказалась заниматься, отметив, что гражданский суд не может входить в расследование того, не совершал ли свидетель больших грехов и не повторял ли малых, что несовместимо со статусом *адила*. В итоге палата утвердила решение окружного суда, поддержав истцов. Сенат рассмотрел жалобу ответчиков и указал, что даже если бы истцы являлись бабистами, это не лишало бы их права на наследство мусульманина, по аналогии с тем, что, по имперской норме (ст. 1340 части 1 тома X Свода законов), не лишался наследства после мусульманина перешедший в христианство наследник. Соответственно иск деда и бабки наследодателя был поддержан³⁸.

38 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1902. СПб., 1902. № 67. С. 202–209.

Как мы уже видели выше, мусульмане в зависимости от культурно-правового предпочтения, а также выгоды в конкретной наследственной ситуации могли апеллировать в судах или к общеимперским («русским»), или к исламским нормам. Приведем еще характерные примеры и оценку компетентного современника. После смерти крымского купца Амета Бекирова сельский хатын в 1878 г. произвел раздел его наследства по мусульманским нормам. Таврическое духовное правление подтвердило раздел и выдало документ — *яфту*, которая, однако, не успела пройти утверждение государственным нотариусом. На этом этапе вдова и дети покойного подали иск в Симферопольский окружной суд против его отца и матери. Истцы требовали признать недействительным произведенный раздел и рассмотреть их наследственные права в соответствии с общеимперскими нормами, которые в данном случае, в отличие от изложенных выше мусульманских норм, не предусматривали наследования в восходящей линии — отцом и матерью, соответственно увеличивая долю вдовы и ее детей. Окружной суд удовлетворил часть иска и признал раздел недействительным на том основании, что до нотариального утверждения одна из групп наследников выразила несогласие с решением по разделу духовного института. Однако Одесская судебная палата по жалобе родителей наследодателя отменила решение окружного суда на основании того, что истцы первоначально выражали согласие с *яфтой*. Сенат же в 1885 г. отменил решение палаты, признав право вдовы и ее детей выразить несогласие с разделом, и отправил дело в другой окружной суд³⁹. И хотя окончательные результаты этого дела нам неизвестны, из него видно, как та или иная сторона могла апеллировать к разным нормативным пространствам — общеимперскому или мусульманскому — в стремлении к наиболее выгодному решению.

39 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1885. СПб., 1886. № 17. С. 82–87.

В 1888 г. в Казани мировой суд рассматривал иск мусульманки Биби Апанаевой к своему брату Магомеду Закиру о разделе 500 руб. доходов с их наследственного имения. Истица, основываясь на нормах шариата, требовала треть этих доходов. Брат Магомед Закир, напротив, указывал на общее гражданское право (ст. 1130), по которому Биби полагалась только 1/14 часть. Мировой судья, допросив экспертов, подтвердивших, что Биби Апанаевой по шариату следует третья часть и что не руководствоваться шариатом было бы тяжким грехом, постановил удовлетворить требование истицы⁴⁰.

В 1887 г. газета «Переводчик» сообщала о судебном споре в Петропавловске Акмолинской области, возникшем между сонаследниками недавно умершего торговца. Дело привлекало внимание всего местного общества. Одни из наследников требовали свои доли по имперскому закону, другие — по шариату. В связи с этим корреспондент констатировал: «Примеры споров сонаследников-мусульман о долях наследства весьма нередки. Обыкновенно каждая сторона просит себе части по закону или шариату, смотря как выгодней»⁴¹.

Нормы шариата сталкивались в суде не только с общеимперским, но и с обычным правом наследования. И в таком случае шариат в сенатских прецедентах оказывался в приоритете. Например, в 1897 г. кассационным Сенатом рассматривалось дело кумыкской княгини Айбалы Айдемировой, оспаривавшей в окружном суде раздел земельного наследства своего отца: оно было распределено между двумя сыновьями и матерью наследодателя, а ей ничего не досталось. Иск Айбала основывала на мусульманском праве и ст. 1338. В окружном суде и на апелляционном процессе в Тифлисской судебной палате ответчики ссылались на обычное

40 Недавно у мирового судьи // Переводчик = Терджиман: газета литературная, политическая и коммерческая. 1888. 28 ноября.

41 Из Петропавловска // Переводчик = Терджиман: газета литературная, политическая и коммерческая. 1887. 30 мая.

право высшего сословия кумыков, по которому дочери покойного при наличии сыновей не наследуют недвижимость. Суды поддерживали ответчиков и отклонили иск Айбалы, указав на ст. 1454 части 2 тома X Свода законов, разрешавшую «иногородцам» в гражданских делах между собой разбираться на основе «древних обычаев и законов». Истица, по мнению судей, не доказала предпочтительность применения к делу правил шариата перед адатом. Айбала не согласилась с решением и подала кассационную жалобу в Сенат. Кассационный департамент отменил решение судебной палаты и признал приоритет шариата в наследственных делах мусульман в общих судах. Сенаторы обратили внимание на то, что по приводимой палатой ст. 1454 судопроизводство в Терской области действительно могло осуществляться на основе адата и шариата, но относилось это только к «народным судам». Кроме того, статьей не устанавливался приоритет адата над шариатом. А ст. 1338, легшая в основу иска Айбалы, формулировала именно общее правило для разделов наследства мусульман и споров об этом в общегражданских судах. «Так что предпочтительность шариата [перед обычным правом. — *И. В.*], — резюмировали сенаторы в своем решении, — установлена самим законом, и требовать от Айдемировой доказательств этого палата не могла»⁴². По указанным выше мусульманским нормам, истица как дочь наследодателя при наличии двух сыновей и матери должна была получить 1/6 часть разделяемого наследства (при этом мать — 1/6, сыновья каждый — по 1/3, с учетом правила, что мужчина получает в два раза больше женщины в равной родственной позиции).

В целом пока рано делать выводы относительно точного количества наследственных дел мусульман в пореформенных судах Российской империи. Можно только осторожно, на основании оценок современников, предположить, что таких дел было немало. Так,

42 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1897. СПб., 1897. № 35. С. 119–121.

закавказский мировой судья В. Н. Ефимов в 1886 г. констатировал, что судьи края, в том числе мировые, «ежегодно тысячами разбирают гражданские иски между мусульманами по семейному и наследственному правам». Разрешая эти споры, отмечал юрист, большинство судей руководствовалось нормами шариата⁴³. При этом такого рода судебные дела не ограничивались высшими стратами мусульманского общества. Напротив, в Закавказье по императорскому рескрипту 1846 г. наследственные споры представителей высших сословных групп мусульманского населения (ханы, беки, агалары) предписывалось рассматривать в общих судах по шариату только при условии обоюдного согласия сторон, а в противном случае к делу применялись общеимперские нормы⁴⁴.

Исследуя проблематику наследственного права, следует иметь в виду, что в начале XX в. его значение существенно возросло для широких масс населения. В результате как естественных процессов, так и государственной политики крестьянское общинное землевладение трансформировалось в семейное и личное. Надельная земля общины подлежала не наследованию, а распределению в соответствии с принятыми нормами земельных переделов. Переход надельной земли в семейную и личную собственность расширял сферу действия наследственного права, и в частности у крестьян-мусульман — сферу действия наследования по шариату. К таким же последствиям приводили покупки земли вне надельного владения. Судебные дела отражают противоречия этого перехода.

Так, в 1908 г. родные братья башкиры Шаймухаметовы из деревни Калтаево Уфимского уезда подали иск в волостной суд с требованием передать им четыре душевых надела земли их умер-

43 *Ефимов В. Н.* Заметки о мусульманском наследственном и семейственном праве // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1886. № 278. С. 297–300.

44 ПСЗ. Собрание 2. Т. 21. Отд. 2. № 20672. С. 617–619; Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1884. СПб., 1885. С. 38–42.

ших деда, дяди и двоюродных братьев, считая себя единственными и ближайшими наследниками перечисленных и указывая на отсутствие других наследников. Волостной суд отказал, поскольку по закону крестьянские наделные земли как находящиеся в пользовании сельского общества не подлежали наследованию. Уездный съезд отменил данное решение и передал наделы истцам. Однако и постановление съезда, в свою очередь, отменялось губернским присутствием, что повлекло его обжалование истцами в 1910 г. в Сенате⁴⁵. Дела о наследовании крестьян-собственников у мусульман составляют пробел в историографии и требуют отдельного тщательного исследования.

Развернувшаяся с конца XIX в. работа над новым Гражданским уложением активизировала вопрос о партикулярных правовых системах империи. По свидетельству Е. А. Пушкина, разрабатывавшая уложение комиссия намеревалась «сохранить за магометанами право на разрешение в судах их споров о наследстве на основании постановлений мусульманского права». Если в новом уложении, полагал юрист, окажется прежняя норма о шариате в гражданских судах, то потребуются кодификация мусульманских норм и соответствующая профессиональная подготовка имперских судей⁴⁶.

Другая, наряду с наследственной, правовая сфера, к которой обращались пореформенные общегражданские суды, сталкивавшиеся с мусульманскими нормами, относилась к практике брачных договоров мусульман и связанным с их исполнением имущественным спорам при разводе и смерти супруга. Условием заключения брака и основным предметом брачного договора в ис-

45 Об отмене постановления Уфимского губернского присутствия о неутверждении башкир Х. и Д. Шаймухаметовых в правах наследства на наделную землю отца их Ю. Шаймухаметова при деревне Калатаевой Уфимского уезда // РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1128. Л. 1–22.

46 Пушкин Е. А. О применении магометанских законов при производстве дел о наследствах, оставшихся после магометан (окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 5. С. 121.

ламе является *махр* — обязательный дар в виде имущества, денег, иных ценностей, который мужчина должен предоставить женщине (у мусульман Закавказья и сам договор, и *махр* назывались *кебин*; у мусульман Среднего Поволжья и др. — *мегр*, *калым*). Махр являлся неотъемлемым правом и гарантией относительной имущественной самостоятельности и состоятельности женщины. Махр мог быть выплачен сразу или с отсрочкой. В случае развода или смерти супруга невыплаченная часть махра рассматривалась как долг. Соответственно, при наследовании невыплаченная часть махра должна была выделяться в первую очередь, до раздела наследственной массы. Как видим, институт махра тесно связан также и с наследственными ситуациями, что подтверждают судебные дела.

Пореформенные суды унаследовали компетенцию в отношении имущественной стороны брачных отношений мусульман от судов дореформенного устройства. В соответствии со ст. 457 части 2 тома XVI Свода законов (Учреждение местных судебных установлений прежнего устройства и законы о судопроизводстве; раздел пятый «О судопроизводстве по особенным родам тяжб и исков»; отделение второе «О брачных делах лиц других, кроме православного, христианских и иноверных вероисповеданий») брачные дела мусульман в вероисповедной их составляющей находились в юрисдикции духовных судов, «но в отношении гражданских претензий, возникающих при расторжении браков», духовенство имело право разбирать дело только в случае согласия обеих сторон конфликта. В случае же несогласия на разбирательство имущественных споров при разводах в духовном суде или несогласии с его решением «действие духовной власти прекращается и дело получает ход гражданский»⁴⁷.

Эта норма подтверждалась ст. 60 «Положения об управлении закавказского мусульманского духовенства» 1872 г.: «Притязания по имуществам, при расторжении браков случающиеся, подлежат

47 СЗРИ. Т. 16. Ч. 2. СПб., 1890. Ст. 457. С. 383.

разбирательству общих гражданских судов, исключая лишь случаи, в коих обе спорящие стороны будут просить казья и на решение его объявят удовольствие»⁴⁸. Данная норма о переносе имущественных брачных споров мусульман в гражданские суды вошла и в Свод законов гражданских⁴⁹. Как видим, в отношении определения юрисдикции брачных имущественных споров законодатель применял тот же подход, что и в отношении наследственных дел мусульман.

Тем не менее между судебной властью и духовным ведомством в отношении решения конфликтов вокруг обязательств по брачным договорам возникали пререкания о сферах компетенции. Представители духовных властей стремились сохранить в своей юрисдикции все споры по брачным делам мусульман. Так, в 1883 г. Елисаветпольский губернский меджлис, указывая на трудности гражданских судов в разборе этих дел, выступил с инициативой о расширении своей компетенции и рассмотрении брачных имущественных споров только в духовных судах. Меджлис признавал гражданские суды неспособными понять написанные на арабском языке тексты мусульманского права и адекватно их применить, считая, что, поскольку имущественная сторона неотрывна от собственно брачно-духовной, мусульманские суды должны решать все имущественные споры между супругами-мусульманами. Меджлис критиковал светские суды, решавшие дела лишь на основании формальных условий брачного договора, не вникая при этом в конкретные обстоятельства брака, поведения и отношений супругов. В брачных договорах всегда говорилось о полной выдаче махра, но только духовный суд был способен учесть обстоятельства и нюансы, скорректировав это обязательство. Кроме того, брачные

48 Тифлис, 6 апреля 1883 года: о подчинении мусульманских брачных по имуществу дел суду духовному // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1883. № 106. С. 409–414.

49 Законы гражданские (Свод Законов, т. X, ч. I изд. 1914 г., по прод. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующего Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. / сост. В. В. Исаченко. Пг., 1916. Ст. 98(1). С. 23.

дела часто не допускали публичности, а гражданский суд по закону являлся гласным⁵⁰.

Возражая меджлису и отстаивая компетенцию гражданских судов, юридическая общественность Закавказья напоминала, что по всем таким спорным и сомнительным вопросам брачных дел гражданские суды, как правило, запрашивали шариатские заключения духовенства и учитывали их при вынесении решения. Подсудность имущественных брачных дел светским судам предлагалось сохранить, так как только они обеспечивали правильное правосудие и гарантии равенства супругов. При этом правоведы соглашались относительно силы и значения кебинных договоров, которые следовало обсуждать в суде на основании шариата, а не общих гражданских законов. Глава Закавказского шиитского духовного правления Шейх-Уль-Ислам, отвечая на предложение Елисаветпольского меджлиса о расширении компетенции духовных судов в отношении имущественных брачных споров, признал, что пока и сами мусульманские духовные лица по своему образованию не готовы разрешать эти важные дела⁵¹.

Судя по отзывам современников, пореформенная судебная практика в отношении брачных имущественных дел мусульман была довольно многочисленной (более точные цифровые оценки давать пока рано)⁵². Суды квалифицировали брачные имущественные споры мусульман в рамках гражданского права как споры по обязательствам (договорам). Но, конечно, в их основе лежало мусульманское право и соответствующие практики. Гражданская юрисдикция мусульманских брачных договоров и возможность их предъявления в судах укреплялась требованием к казиям заносить условия брачного договора (кебинного акта) в метрические книги, то есть официально фиксировать⁵³. Приведем примеры такого рода дел.

50 Тифлис, 6 апреля 1883 года. С. 409–414.

51 Там же.

52 Ефимов В. Н. Указ соч. С. 297–300.

53 Там же.

В 1885—1893 гг. рассматривалось дело вдовы Талышхановой, добивавшейся в гражданских судах своего права на «кебинные деньги». Ответчиками выступали наследники ее умершего мужа — дети от другого брака. В соответствии с брачным договором Талышханова должна была получить 1500 туманов персидской монеты Насредин Шаха (что эквивалентно 4,5 тыс. руб.). Бакинский окружной суд не поддержал иск вдовы, поскольку при внесении договора в метрическую книгу оказались нарушенными установленные имперской администрацией формальные требования (текст договора не был вписан полностью и дословно, указывалась только сумма кебина, причем не в российских деньгах; отсутствовали подписи муллы и свидетелей, а имелись только их личные печати). Вдова оспорила решение в Тифлисской судебной палате, принявшей во внимание, что по имперскому законодательству браки совершались по правилам веры и обычаев каждого народа. Закон предоставлял брачующимся мусульманам право заключать брачные договоры (ст. 1078 тома IX Закона о состояниях по продолжению 1890 г.) и не указывал при этом ни предметов, которых они могут касаться, ни правил или форм, по которым они должны составляться, из чего следовало, что под брачными договорами подразумевались сделки, заключаемые при совершении брака по правилам веры магометан (шариат) и существующих обычаев. Действительность брака и брачного договора Талышхановой подтверждалась удостоверениями Закавказского шиитского духовного правления, а недостатки в метрической записи не лишали брачный акт значения, ведь форма брачного договора определялась шариатом и обычаями, а не государственными предписаниями. Палата отменила решение окружного суда и удовлетворила иск Талышхановой, признав право вдовы на взыскание «кебинных денег»⁵⁴.

Аналогичное дело рассматривалось в Елисаветпольском окружном суде в 1897 г. Разведенная Салтанат Бебутова требовала

54 О взыскании Х. Талышхановой с наследников М. И. Талышханова 4500 руб. по брачному свидетельству // РГИА. Ф. 1364. Оп. 2. Д. 1677. Л. 1—11.

взыскать с ее бывшего мужа 12175 руб. на основании брачного договора от 1885 г. Окружной суд и потом судебная палата отказали Бебутовой на том основании, что кебинный акт не подписан, как предписывали общие нормы заключения гражданских договоров. При этом шушинский казый и Закавказское шиитское духовное правление свидетельствовали в суде об отсутствии необходимости по мусульманским обычаям ставить подписи брачующихся в таком акте. В кассационной жалобе в Сенат истица указала, что по шариату обязательная гражданская форма для кебина не нужна и требование подписей являлось вмешательством гражданских властей в брачные обряды мусульман в нарушение ст. 90 части 1 тома X Свода законов, согласно которой представители каждого народа имели право вступать в брак по своим обычаям. Сенат согласился с истицей и отменил решение Тифлисской палаты, признав кебинный акт, оформленный духовным ведомством по мусульманским обычаям, действительным даже без подписей⁵⁵. Тем самым суд высшей инстанции не стал из-за формальностей фиксации отменять действие норм шариата в отношениях по кебинному договору.

Суды признавали обязательства по кебинному договору, то есть *махр*, в делах по наследству умерших женщин. Мировой суд Мамадышского уезда Казанской губернии в 1887 г. рассмотрел иск крестьянина деревни Сартык Гизетулы Усыкина. Он требовал с зятя и его отца деньги («калым», в соответствии с местной терминологией) по заключенному при выходе дочери замуж брачному договору. Дочь умерла бездетной, и по шариатским нормам *махр* как ее имущество подлежал наследованию также и родителями в качестве ближайших родственников по прямой линии. Мировой суд, получив соответствующее шариатское разъяснение от ОМДС, удовлетворил иск⁵⁶.

55 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1900. СПб., 1900. № 14. С. 54–56.

56 Дело крестьянина д. Сартык Кабык-Куперской волости Гизетулы Усыкина с кр-на д. Малые Суны Шакиры Зарифова 75 руб. 25 коп.

Другая важнейшая часть мусульманского права, также частично вошедшая в имперское судебное-правовое пространство, в том числе пореформенное, — это нормы о вакуфах, то есть категории собственности, обеспечивавшей существование ключевой общественной инфраструктуры мусульманских сообществ, — культовых, социально-благотворительных и общественных образовательно-социализирующих институций. Но данная область права требует особого рассмотрения и в настоящей статье подробно не разбирается.

Итак, ислам предоставлял богатый правовой и символический ресурс для разрешения большого спектра гражданских споров. Судебная реформа 1864 г. ознаменовала новый важный этап в имперской интеграции элементов мусульманского права — наследственного, семейного и вакуфного. Причем все перечисленные элементы являлись очень значимыми не только для частной, но и для публично-институциональной сферы жизни мусульманских сообществ. В результате правотворческой деятельности гражданского кассационного департамента Сената середины 1870-х гг. мусульманское наследственное право стало материально-правовой основой пореформенных общих судов Российской империи при решении всех наследственных споров мусульман, что произошло благодаря модернистской судебной-процессуальной и организационной унификации, осуществленной реформой 1864 г., парадоксальным образом способствовавшей частичному укреплению партикулярного материального гражданского права. Помимо элементов мусульманского права это касалось и ряда региональных гражданско-правовых систем, например бессарабской⁵⁷.

В то же время сами мусульманские сообщества, как мы видели, были неоднородны. Те или иные участники судебных

по раздельному акту // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 72. Оп. 3. Д. 199. Л. 1–3.

57 См.: Верняев И. И. Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX — начала XX в.: адаптация к разнообразию // Русин. 2023. № 74. С. 109–132.

процессов, мусульмане, для отстаивания своих интересов апеллировали в гражданских судах к общеимперским, шариатским или обычно-правовым нормам. Но в пореформенный период под влиянием сенатских толкований Свода законов гражданские суды в наследственных делах мусульман отдавали приоритет мусульманскому праву.

Отметим достаточно высокий уровень доверия мусульман к реформированным в 1864 г. судам. Наследственные дела и споры по брачным договорам касались близких родственников, но многие мусульмане были готовы положиться в их разрешении на имперские суды, вынося на публичную сцену сугубо личные и внутригрупповые отношения. Гражданские суды в этих делах привлекали авторитетом, четкостью процедуры, независимостью, беспристрастностью и обязательностью исполнения решений. При этом гражданские суды действовали в тесной связке с духовными правлениями мусульман. В ряде случаев они следовали в фарватере их разъяснений, но иногда проявляли самостоятельность. Более того, к судебной самостоятельности нередко подталкивали и сами мусульмане, участвовавшие в процессах.

Мусульманское право проникло в пореформенную судебную практику разными путями и на разных основаниях. Так, имевшая шариатское происхождение норма «вдовьей доли» при наследовании, включенная в Свод законов отдельной статьей, стала, по сути, нормой имперского гражданского права для мусульман. Брачные договоры («кебинные акты») и определяемый ими *махр* («брачный дар» мужа жене, «кебинные деньги»), также имеющие шариатскую основу и происхождение, по факту вписались в имперские нормы договорного права. Другие, помимо «вдовьей доли», нормы исламского наследственного права применялись с опорой на шариатские толкования духовных правлений, самостоятельное обращение судов к источникам мусульманского права, сенатские прецеденты, а в конце имперского периода — во все большей степени на подготовленный на основе консенсуса между имперскими ведомствами,

духовными правлениями и академической общественностью сборник мусульманского семейно-наследственного права.

Существовавшие законодательство и судебная практика предусматривали необходимость обращения судов для разъяснения мусульманских норм к тому или иному духовному правлению в зависимости от принадлежности сторон к соответствующему направлению в исламе, суннитскому или шиитскому, и региональной привязки. Это позволяет говорить о признании различий внутри ислама и об институционализированном механизме их принятия имперской судебной системой. Получать удостоверения духовных правлений с отвечавшими определенным правовым школам толкованиями исламских норм применительно к конкретному судебному делу могли и сами участники процессов. Однако суды иногда сталкивались с противоречиями и разночтениями в таких толкованиях. Поэтому применение мусульманских норм в пореформенных общегражданских судах с кассационной инстанцией во главе неизбежно сопровождалось процессами их систематизации и унификации, что позволяло принимать решения более единообразно и предсказуемо для участников судебных дел. Но в кодификационном процессе были и свои издержки, так как терялись отдельные правовые нюансы исламского права и детали конкретных обстоятельств дела и отношений вовлеченных лиц.

В пореформенный период общегражданские суды неизбежно сталкивались с правовым плюрализмом, отражавшим многослойное культурное, этноконфессиональное и региональное разнообразие страны. Несмотря на стремление к централизации и унификации судебной системы, общегражданским судам приходилось разрешать споры, затрагивавшие различные правовые порядки, в том числе и нормы исламского права. Мусульманское право не только сохраняло свое значение, но и продолжало развиваться в условиях имперской правовой системы, находя свое место в рамках взаимодействия с общегражданскими судами.

Литература

1. *Верецагин А. Н.* Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М.: Издательская группа «ЗАКОН», 2022. 616 с.
2. *Верняев И. И.* Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX — начала XX в.: адаптация к разнообразию // Русин. 2023. № 74. С. 109–132.
3. *Верняев И. И.* Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1240–1256.
4. *Кодан С. В., Февралев С. А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М.: Юрлитинформ, 2014. 281 с.
5. *Мухаметзарипов И. А.* Функционирование шариата в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII — начале XX вв. Казань: Яз, 2012. 292 с.
6. *Нургалеев Р. М.* Наследственное право в исламе. Набережные Челны: Ислам Нуры, 2016. 132 с.
7. *Усманова Д. М.* Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.) // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 106–153.
8. *Усманова Д. М.* Мусульманское право в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: изучение, применение, искоренение? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 170–182.
9. *Crews R. D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 463 p.
10. *Kirmse S. B.* The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late Tsarist Russia. New York: Cambridge University Press, 2019. 341 p.
11. *Zuleika A., Desinthya N. P.* Islamic Inheritance Law (Faraid)

and its economic implication // *Tazkia Islamic Finance and Business Review*. 2013. Vol. 8. No. 1. P. 97–118.

References

1. Crews, R. D. (2006) *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Kirmse, S. B. (2019) *The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. New York: Cambridge University Press
3. Kodan, S. V., Fevraleev, S. A. (2014) *Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVII — nachalo XX v.)* [Local Law of National Regions in the Russian Empire (The Second Half of the 17th — 20th Century)]. Moscow: Yurlitinform.
4. Mukhametzaripov, I. A. (2012) *Funktsionirovanie shariata v okruge Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo Sobraniya v kontse XVIII — nachale XX vv.* [The Functioning of Sharia in the Orenburg District of the Mohammedan Spiritual Assembly in the Late 18th — Early 20th Centuries]. Kazan': Yaz.
5. Nurgaleev, R. M. (2016) *Nasledstvennoe pravo v islame* [Inheritance Law in Islam]. Naberezhnye Chelny: Islam Nury.
6. Usmanova, D. M. (2014) “Musul'manskoe pravo v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.: izuchenie, primeneniye, iskoreneniye?” [“Muslim Law in the Russian Empire at the Turn of the 19th — 20th Centuries: Study, Application, Eradication?”], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya”*, 4 (27), pp. 170–182.
7. Usmanova, D. M. (2015) “Musul'manskiiye metricheskie knigi v Rossiiskoi imperii: mezhdru zakonom, gosudarstvom i obshchinoi (vtoraya polovina XIX — pervaya chetvert' XX vv.)” [“Muslim Metric Books in the Russian Empire: Between the Law, the State and the Community (The Second Half of the 19th — the First Quarter of the 20th Centuries)”], *Ab Imperio*, 2, pp. 106–153.
8. Vereshchagin, A. N. (2022) *Kassatsionnyi Senat (1866–1917). Ocherki ustroistva i deyatelnosti verkhovnogo suda Rossiiskoi Imperii* [The

Cassation Senate (1866 — 1917). Essays on the Structure and Activities of the Supreme Court of the Russian Empire]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "ZAKON".

9. Vernyaev, I. I. (2019) "Adaptatsiya mirovoi yustitsii Rossiiskoi imperii na Yuzhnom Kavkaze" ["Adaptation of the Global Justice of the Russian Empire in the South Caucasus"], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 4, pp. 1240–1256.

10. Vernyaev, I. I. (2023) "Pravosudie Rossiiskoi imperii v Bessarabii kontsa XIX — nachala XX v.: adaptatsiya k raznoobraziyu" ["Justice of the Russian Empire in Bessarabia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Adaptation to Diversity"], *Rusin*, 74, pp. 109–132

11. Zuleika, A., Desintha, N. P. (2013) "Islamic Inheritance Law (Faraid) and Its Economic Implication", *Tazkia Islamic Finance and Business Review*, 8 (1), pp. 97–118.